

НОБЕЛЕВКА БУНИНА

Денежная составляющая Нобелевской премии по литературе 1933 года — 170 322 шведские кроны. По покупательной способности это соответствует примерно 5,3 млн шведских крон нашего времени, то есть примерно 37 млн современных российских рублей. По обменному курсу Банка Швеции на декабрь 1933 года Бунин должен был получить 733 514 французских франков.

наверху, совсем одни. Вид у нас на юг, запад и север, на всю долину Нила и на все пирамиды. Хлопочет угодить нам еврейка страшно — благодаря моей знаменитости. Платим ей очень дешево — 6 р. в сутки на двоих».

В феврале Бунин и Муромцева отплыли в дальнее путешествие. Джибути. «Сейчас гошу у людоедов Сомалиев, в африканско-французской колонии». Цейлон. «Отель — бунгалов в саду, номер без потолка, электрический вентилятор — и ты лежишь весь голый... Жили мы за городом, за 10 рупий в сутки (полный пансион), а рупия стоит копеек 65. Но это за городом — в городе втрое, вдвое дороже».

Ноябрь 1911 года. Бунин на Капри. В его письмах звучат все те же нотки: «В этих теплых странах, дающих мне возможность работать и кое-как быть здоровым, обдирают человека как липку». «Мне нужны деньги... Вас лишние 200 р. сейчас не разорят».

В 1913 году Бунин написал из Одессы в книгоиздательство «А. Ф. Маркс», предложив купить у него собрание сочинений в качестве приложения к журналу «Нива». И вскоре похвастался брату: «Да, договор для меня недурной, — в общем, вместе с полистной платой дающий мне больше 25 тысяч». О договоре он сообщил и Максиму Горькому: «Зато я теперь хоть малость обеспечен насчет куска хлеба». Правда, уже через три месяца после подписания договора и получения 20 тыс. рублей Бунин опять пожаловался в письме: «Очень нужны деньги».

Нужны, но и достать их просто. Популярность Бунина столь высока, что он все чаще ставит в письмах издателям свои условия. Жалобы на нехватку денег полностью исчезают из его писем. Но летом 1917 года появляются другие жалобы: «Идет великая беда на курильщиков, у нас уж очень трудно доставать табак... Я уже давно курю за 20 р. фунт и знаю, что этот фунт стоил прежде 6 р.».

27 мая 1917 года Бунин пишет Нилусу: «Мысль о покупке дачи я не оставил. Я из-за этой дачи даже собрание сочинений продал (десять томов по 5.000 экз. каждый том) и продешевил адски — взял 16 1/2 тысяч». Нужно ли

AKG / EASTNEWS

MARY EVANS / ALEXANDER MELEDIN / DIOMEDIA

объяснять, почему из десяти планируемых томов увидел свет только один?

В мае 1918 года Бунин с Муромцевой уехали из Москвы в Одессу, а из Одессы в 1920 году в эмиграцию. Два года спустя, во Франции, они официально стали мужем и женой. По словам Веры Буниной-Муромцевой, их жизнь в эмиграции была «очень тихой, бедной, но чистой и незаметной».

Нобелевский вояж

Утром 9 ноября 1933 года Бунины завтракали гречневой кашей в компании друзей на вилле «Бельведер» в Грасе. Имена номинантов на Нобелевскую

На получение Нобелевской премии Бунин с супругой поехали в долг, своих денег на поездку у них не было

премию были известны заранее, и Вера предложила «тотализатор» — угадывать, кому ее дадут. Поэтесса Галина Кузнецова не стала угадывать. Бунин думал, что дадут «финляндцу», поэту Бертелю Грипенбергу. Сама Вера сказала: «Если не русскому, то португальцу скорее». После четырех часов пополудни прозвучал телефонный звонок из Стокгольма. Сквозь шум и помехи на линии Вера Бунина услышала обрыв-

Иван Бунин — единственное лицо без гражданства, ставшее лауреатом Нобелевской премии. Российского больше не существовало, советское он брать не желал

ки слов: «Ваш муж — нобелевский лауреат, хотел бы поговорить с мистером Буниным». В доме на этот момент не нашлось денег даже на чаевые мальчишкам-почтальонам, что несли одну за другой поздравительные телеграммы. Деньги на поездку в Стокгольм на вручение премии нужно было занимать.

Перед отъездом из Граса в Париж, откуда им предстоял путь в Швецию, Бунины устроили торжественный обед. «За столом говорили о том, кому из писателей и сколько надо будет дать из премии, и насчитали сто с лишним тысяч» (из дневника Веры Кузнецовой). На помощь коллегам-эмигрантам Бунин готов был отдать примерно седьмую часть премии, которая тогда составляла 170 331 шведских крон.

В Париже лауреата ждал роскошный прием. Роскошный номер в отеле Majestic — по цене самого дешевого. В дверь номера постоянно стучали попрошайки. Один предлагал купить «русскую национальную реликвию, топор Петра Великого» за 500 франков. Завтрак в русском ресторане Корнилова был за счет заведения. Вера купила манто в магазине, которым владел эмигрант из России. Далее — поезд в Швецию.

В Стокгольме Бунина узнавали на улицах. На церемонии вручения случился комический эпизод. Личный секретарь Бунина Андрей Седых в своем дневнике отметил: «После церемонии Бунин передал мне медаль, которую я тотчас же уронил и которая покати-лась через всю сцену, и сафьяновую папку. Была давка, какие-то люди жимали руки, здоровались, я положил папку на стол и потом забыл о ней, пока Иван Алексеевич не спросил:

— А что вы сделали с чеком, дорогой мой?

— С каким чеком? — невинно спросил я.

— Да с этой самой премией? Чек, что лежал в папке.

Тут только понял я, в чем дело... Но папка по-прежнему лежала на столе, где я ее легкомысленно оставил, — никто к ней не прикоснулся, и чек был на месте».

Секретарю не удалось потерять чек. Но большую часть полученной премии потерял сам лауреат. На благотворительность Бунин потратил 120 тыс. франков. Помог он не только писателям-эмигрантам. Письма с просьбой о помощи приходили ему буквально тысячами. Большая часть суммы была вложена в русский ресторан и в ценные бумаги. В обоих случаях Бунина обманули ●